

УДК 93/94; 39
DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

А. А. Фомина

**Василий Дмитриевич Поленов
на сербско-турецкой войне 1876 г.**

Фомина Александра Андреевна
Научный сотрудник
Государственная Третьяковская галерея
119017, Лаврушинский пер. 10, Москва, Российская Федерация
E-mail: sashafomina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8545-2150

Цитирование

Фомина А. А. Василий Дмитриевич Поленов на сербско-турецкой войне 1876 года // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 304–352.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

Статья поступила в редакцию 16.11.2021.

Аннотация

Впервые полностью публикующиеся военные дневники художника В. Д. Поленова — это уникальный источник исторических, этнографических и культурных знаний о кратком периоде сербско-турецкого конфликта, в котором Поленов принял участие осенью 1876 г. Изучение записей дает возможность глазами русского живописца увидеть разные стороны противостояния Сербии завоевателям, настроения среди участников военных действий, национальные особенности жизни сербов. Хранящиеся в Отделе рукописей Третьяковской галереи дневники сопровождаются богатым графическим и живописным материалом, части которого находятся в Третьяковской галерее, музее-заповеднике «Поленово» и Русском музее.

Ключевые слова

В. Д. Поленов, Сербия, Белград, сербско-турецкая война, дневники.

Василий Дмитриевич Поленов, известный русский художник, мастер жанровой и пейзажной живописи, автор работ на евангельские темы, не раз бывал за рубежом — в том числе на Всемирной выставке в 1867 г., в длительной пенсионерской поездке по Европе в

1872–1876 гг., после окончания обучения в Императорской Академии художеств; ездил на Восток в 1881–1882 и в 1899 гг. для подготовки «Евангельского цикла». Но среди всех путешествий Василия Дмитриевича особо примечательны два — в 1876 и 1877–1878 гг., когда Поленов отправился в Юго-Восточную Европу в качестве участника сербско-турецкой и русско-турецкой войн.

Вероятно, художник был увлечен идеей помощи братскому славянскому народу. Вмешательство Российской империи и других европейских государств в конфликт в Сербии должно было спасти страну, плохо подготовленную к войне, от катастрофы. Однако было достигнуто только временное прекращение огня, во время которого в Сербию было послано подкрепление. В Москве и Санкт-Петербурге организовывались славянские комитеты и другие благотворительные организации, занимавшиеся сбором средств для поддержки сербов, подготовкой и отправкой на фронт санитарных отрядов, а также добровольцев — солдат и офицеров русской армии. Можно сказать, идея помощи Сербии стала даже модной, о чем упомянул Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина»: «Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры — все свидетельствовало о сочувствии к славянам»¹. Несмотря на то, что Толстой достаточно неоднозначно относился к прославянским настроениям, скорее высмеивая волну энтузиазма, захватившую русских солдат-добровольцев, многие волонтеры отправлялись на войну осмысленно, с чувством глубокого сочувствия и уважения к сербам. В. Д. Поленов оказался как раз среди этих людей, его призвал «голос, зовущий на действительную помощь людям, изнывающим в неволе, позоре и страданиях»². Вероятно, не последнее влияние на решение Поленова отправиться на войну оказали семейные традиции. Предки художника принимали участие в крупных военных событиях конца XVIII — начала XIX в. Дед по матери, Алексей Васильевич Воейков, генерал русской армии, был в швейцарском походе русской армии в 1799 г., воевал в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Дед по отцу, Василий Алексеевич Поленов, участвовал в войне 1812 г.

От времени, проведенного Василием Дмитриевичем в Сербии, сохранился богатый живописный и графический материал: полот-

1 Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 1978. С. 466.

2 Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее — ОР ГТГ). Ф. 54. Ед. хр. 1. Л. 4об.

на и этюды, эскизы и наброски, хранящиеся сейчас в Третьяковской галерее в Москве, Государственном мемориальном историко-художественном и природном музее-заповеднике В. Д. Поленова в Тульской области, Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Но если на русско-турецкую войну в 1877 г. он попал как профессионал-живописец (по желанию цесаревича Александра Александровича его пригласили на роль штабного художника, который должен был запечатлеть театр военных действий и быт русской армии), то на сербско-турецкую войну Поленов отправился добровольцем. Василий Дмитриевич непосредственно участвовал в боевых действиях, о чем свидетельствует сохранившийся в отделе рукописей Третьяковской галереи документ, подписанный полковником Д. Р. Андреевым³, в чьем передовом летучем отряде служил художник: «...наравне с прочими переносил все тяготы боевой жизни [...] Участвуя в боях 7, 8 и 9 минувшего октября [...] своим хладнокровием и пренебрежением к опасности обратил на себя всеобщее внимание...»⁴. Начав свой путь в середине сентября, Василий Дмитриевич уже в ноябре получил серебряную медаль «За храбрость» (сослуживцы-черногорцы передали ему одну из своих медалей за участие в кавалерийской атаке⁵) и орден Таковского креста, а также грамоту от сербского князя⁶. При этом Поленов не только успевал делать живописные этюды и графические наброски, но и вел дневник — своеобразные путевые заметки, в которых описаны дорога из Белграда до Вуканьи⁷, а также некоторые подробности боевых действий, даны характеристики людей, встречавшихся на пути художника, и представлены его «живописные» наблюдения за красотой природы и национальных костюмов, за архитектурой и местной кухней. В Отделе рукописей Третьяковской галереи сохранились три одинаковые тетради в синих обложках, в которых Поленов вел записи⁸. Первые две тетради содержат практически одинаковый текст, фактически являясь черновиком и чистовыми записями.

Дневник, начатый 24 сентября 1876 г., обрывается после записи от 4 октября. Как раз в это время Поленов попадает в передовой отряд Ан-

3 В авторских подписях на рисунках В. Д. Поленова упоминается полковник Д. Р. Андреев.

4 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 6546. Л. 1.

5 Там же.

6 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 6628. Л. 1.

7 Вуканья — деревня в Сербии в 30 км северо-западнее города Ниш.

8 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 1–3.

древа — вероятно, нахождение в горячей точке лишает художника возможности продолжать вести записи, однако он все еще делает зарисовки (хранящиеся в Третьяковской галерее рисунки с войны датируются и более поздними числами октября, и ноябрем 1876 г.). По семейной переписке известно, что художник вернулся в Петербург во второй половине ноября, пробыв в отъезде чуть больше двух месяцев. 22 ноября 1876 г. Дмитрий Васильевич Поленов, отец живописца, писал Федору Васильевичу Чижову: «Только вчера, в воскресенье, приносят нам телеграмму, в которой значится: “Пришлите карету завтра, понедельник восемь вечера Варшавскую дорогу — Доброволец эскадрона Тернска Поленов”. Шут! Карету послали, и в урочное время доброволец... явился к нам здоров и невредим...»⁹. Обрадованный возвращением приятеля в Россию, И. Е. Репин написал В. Д. Поленову 8 декабря 1876 г.: «Желал бы видеть тебя теперь, украшенного орденами и в сербском (??) наряде!»¹⁰

Рисунки и первая часть дневника В. Д. Поленова были опубликованы в 1877 г. в журнале «Пчела» («Русская иллюстрация») под названием «Дневник русского добровольца. От Киева до Делиграда»¹¹. При этом ту часть дневника, которая публиковалась в «Пчеле», художник, очевидно, постарался переписать начисто, убрав из текста некоторые мысли о своих сослуживцах и командирах, — вероятно, чтобы не обидеть их и избежать неловкой ситуации. Вторая часть дневника в журнале опубликована не была по неизвестной причине. Дочь Василия Дмитриевича, Екатерина Васильевна Сахарова, в 1964 г. опубликовала обе части дневника¹², но тоже с пропусками — несколько изменив количество вычеркнутого отцом текста, она внесла свои дополнительные сокращения. В разных научных работах цитировался дневник Василия Дмитриевича Поленова, но никогда раньше он не издавался без купюр.

Представленные ниже записки художника впервые публикуются полностью. Текст сопровождается научными комментариями, печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением особенностей авторского стиля. Иностранные имена и названия приведены с соблюдением правописания автора. Сокращенные и плохо читаемые места восстановлены в квадратных скобках.

9 ОР РГБ. Ф. 332. Картон 47. Ед. хр. 25. Л. 33об.

10 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 5255. Л. 1об.–2.

11 Пчела. 1877. № 1, № 8 — рисунки; № 9, с. 135, 137–138, № 10, с. 152–153 — первая часть дневниковых записей.

12 Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художника. М., 1964. С. 213–224.

**Дневниковые записи В. Д. Поленова.
От Киева до Делиграда¹³**

24 сентября 1876 г[ода]. Сегодня приехал в Белград, «Београд» по-«србски»¹⁴. Не писал ничего в пути, сердился на немцев, их точные указатели весь мой маршрут искалечили. В одном анцейгере¹⁵ одно, в другом другое, а на деле выходит совсем третье; поэтому я почти на двое суток опоздал. А не худая страна подольский край¹⁶ — живописно; и в людях есть много особенного. Настоящий усатый поляк ругает приниженного хохла и не отдает ему за что-то денег, тот обиженно на него смотрит, что-то мурлычет. Жиды всяких сортов с визгом и с галочьим криком наполняют собою и своим запахом вагоны, над всей этой суетней торжественно-бесстрастно царит жандарм. Сильно хотелось мне в Жмеринке¹⁷ свернуть влево на денек, но дела службы, как говорил костромской губернатор¹⁸, не допустили совершить такового отклонения от долга...

Красивый край северная Венгрия, населенная руссинами. Из Пшемисла¹⁹ (в Галиции) через Кашой²⁰ в Пешт²¹ приходится переваливать через Карпаты. Очень живописные места. По всей линии попадают славяне: поляки, руссины, иногда хорваты; но жалкую роль они здесь играют, простоватые, нерасторопные, длинноволосые и оборванные,

13 Делиград — небольшая деревня в Сербии в 50 км северо-западнее города Ниш, во время сербско-турецкой войны 1806 г. в битве при Делиграде сербы нанесли решающее поражение османской армии.

14 В. Д. Поленов сознательно многие слова и фразы дает на сербском языке, не всегда при этом выделяя их кавычками и соблюдая орфографию.

15 От немецкого “anzeiger” — указатель.

16 Имеется в виду Подольская губерния с административным центром городом Каменец-Подольский (ныне на Украине).

17 Жмеринка — местечко в Подольской губернии Российской империи, ныне — город на Украине.

18 Род Поленовых происходит из костромских дворян.

19 Пшемысль (Перемышль) — город в королевстве Галиции и Лодомерии, подвластном Австро-Венгерской империи, ныне — город в Польше, расположенный неподалеку от границы с Украиной.

20 Возможно, имеется в виду Кошице (Кошицы, Кашша, Кашау) — исторический город в составе Венгрии, ныне — город в Словакии, расположенный неподалеку от границы с Венгрией.

21 Пешт — восточная часть города Будапешт в Венгрии. После объединения Пешта, Буды и Обуды в Будапешт в 1873 г. используется как разговорное сокращение полного названия.

они покорно повинуются живым и энергическим мадьярам²². И жаль их и досадно на них, а все-таки приятно слышать за границей язык, близкий к родному. На одной станции сидят в уголку две девчонки — славянка и маджарка, одна учит другую считать: едан, два, три, пять, семь, десять, четырнадцать и т[ак] д[алее]. Маджарка повторяет и хохочет над такими бессмысленными звуками. Но рядом с мягкими и добродушными славянами в мадьярах есть что-то грубое, даже дикое. Возбуждение против России сильное, пештские газеты яростно нападают на славян и глумятся над их неудачами. Несмотря на все это нельзя не отнестись к венграм с завистью, когда посмотришь, в какое короткое время они сумели так независимо себя поставить в международной политике и у себя дома. Ведь теперь они тащат за собою на буксире всю Австрию. Внутри у себя они выработали сельское хозяйство, торговлю, искусства. В искусстве я лучше могу судить, нежели в чем другом; оно у них как тоническое, так и образное (наше) необыкновенно оригинально, самостоятельно и высоко.

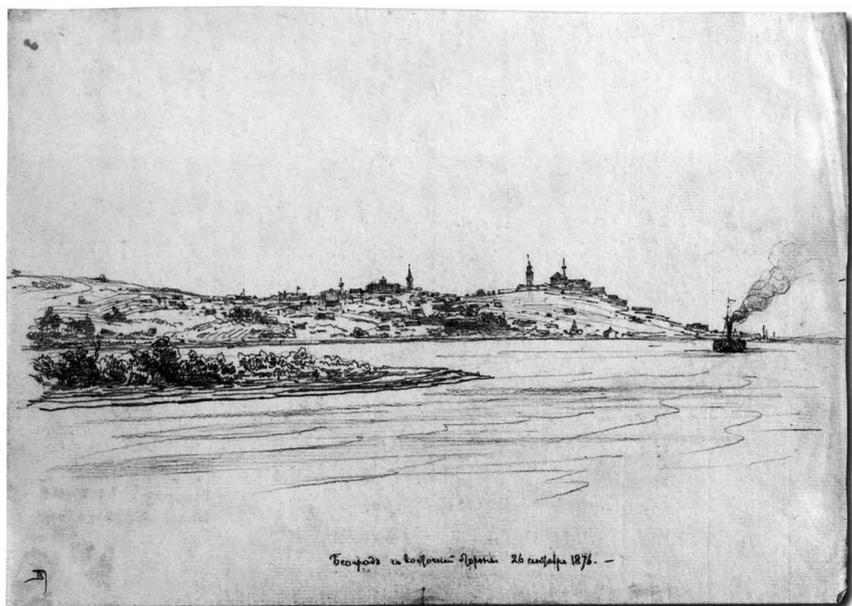
Пешт очень красивый город. Сколько своим положением, столько и внутренней отделкой маленькая Вена, но живописнее ее. Всюду видна энергичная работа, всюду проскальзывает честолюбивое желание во что бы то ни стало завоевать себе политическую роль. В Пеште пересели на огромный венгерский пароход и пошли по Дунаю вниз. Время ясное и теплое. Всю ночь просидел на палубе, глядя на общеславянскую реку, ее холмистые, крутые и однообразные берега, освещенные почти полной луной, — вода была как зеркало. Может быть, на этих берегах жили и мои прадеды. Оригинальны на Дунае водяные мельницы, они целыми партиями стоят на воде почти посреди реки одна за другой и представляют из себя плавучие деревни.

В каюте ехала компания соотечественников. Они почти все время и с большим апломбом ели и пили, а так как я до еды [и] питья небольшой охотник, то и занимающиеся этим занятием меня мало занимали. К полночи все стихло. Невеселые думы шли на ум, ничего доброго впереди не рисовалось... На другое утро вышел я на палубу; Дунай мутный, не знаю, кто его назвал “die schöne blaue Donau²³”. Штраус наименовал так один из своих вальсов²⁴. Название злое, ибо он серый, мутный и неприветный.

22 Самоназвание венгров “magyar” — венгерский (венгр.).

23 Красивый голубой Дунай (нем.).

24 Имеется в виду вальс Иоганна Штрауса-сына «На прекрасном голубом Дунае», написанный в 1866 г.

В. Д. Поленов. Београд с восточной стороны. 26 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 19 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 41. Местонахождение: ГТГ

В Землине²⁵ пересаживаются на другой пароход (маленький) и переправляются через Дунай в Белград. Высокое чувство уважения охватило меня в то время, как пароход медленно входил в устье Савы в виду Белграда; как ни говори, а он первый возымел дерзость подняться не только словом, но и делом, на защиту братьев, угнетенных дикой азиатской ордой, в нем впервые раздался голос, зовущий на действительную помощь людям, изнывающим в неволе, позоре и страданиях. И может быть, весь этот героизм, все это самоотвержение, все эти жертвы ни к чему, все пропадет и погибнет даром... Сердце сжималось, и тяжело становилось на душе...

С Дуная Белград представляет довольно величественный вид. Впереди на горе стоит грозная крепость и придает ему воинственный вид. За крепостью расположен на холмах сам город. Одно мне

²⁵ Землин, Земун — город в Сербии, ныне — район Белграда.

показалось странным — это несколько мечетей с минаретами. Их в Белграде, кажется, шесть. Подходя ближе, я удивился, увидав большое здание с флагами, из которых один белый с красным крестом, значит, госпиталь, и другой английской (белой эскадры). Странное дело: мы идем драться за христианство против ислама, а тут мечети, все симпатии англичан на стороне турок, а тут на первом же шагу английский госпиталь. На пристани по кокарде узнал члена Славянского комитета²⁶ и обратился к нему, он меня очень любезно приветствовал и пошел вместе со мной в город. Поговору я увидел, что серб, на первый мой вопрос, как идут дела, он отвечал, что прекрасно, лучше ничего нетребно. Поднявшись по высокой лестнице в гору, мы прошли и очутились в верхнем городе, где меня поместили в очень скверной гостинице в комнату, где помещались уже пять добровольцев. Но пока никого из них не было. Я умылся, оделся и отправился к В. Н. Токареву²⁷. Трактирщик объясняет мне адрес «све право», я пошел и свернул в первую улочку направо. «Не, господине», — догоняет он меня, — «све право». «Не, то есть десно²⁸, треба све право идети». Оказалось, что «све право» значит «все прямо».

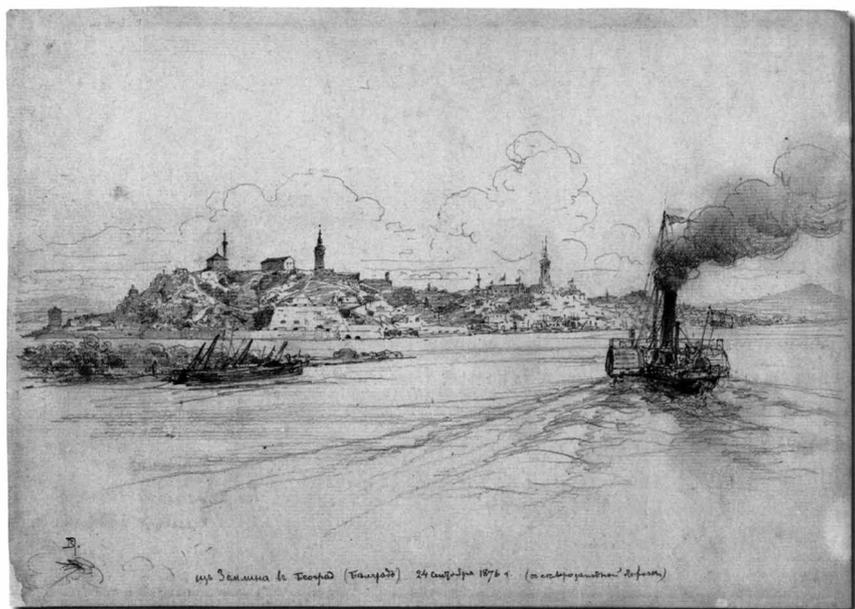
Белград имеет вид русского губернского города средней руки; постройки, впрочем, все каменные. На улицах очень пусто, уныло и праздно; признаков войны никаких, только русские волонтеры изредка попадают да в кафанах (кофейнях) шумят, а то Белград и забыл бы, что «на границе» война. Токарев совсем не ожидал видеть меня перед собою, но встретил меня очень ласково, покровительно, родственно, потребовал, чтобы я у него остановился, что я и сделал. На другой день я не мог продолжать путь, так как пароход ходит через день. Я воспользовался этим, чтобы посетить загородный конак (дворец) князя²⁹, обращенный в госпиталь. Отстоит он версты четыре от города, дорога идет по возвышенности, с которой видна долина р[еки] Савы,

26 Славянский благотворительный комитет — организация, учрежденная М. П. Погодиным в 1858 г. в Москве. На собранные комитетом средства в 1876 г. в Сербию были отправлены отряд добровольцев и санитарный отряд, а также выдана ссуда сербскому правительству.

27 Владимир Николаевич Токарев — политический деятель, с 1875 г. — тайный советник.

28 Право, направо (серб.).

29 Возможно, имеется в виду резиденция князя Милоша Обреновича, построенная в 1830-х годах в парке Топчидер под Белградом (ныне в черте города).

В. Д. Поленов. Из Землина в Београд (Белград). С северо-западной стороны. 24 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш 19 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 31. Местонахождение: ГТГ

впадающей в Дунай. Направо на холмах город с крепостью, мечетями и церквями, а вдали Землин. Вся дорога усажена тополями; по возвышенностям разбросаны желтеющие кусты и деревья. Въехав в парк, мы остановились под огромным тенистым буком. На деревянной скамейке сидела женщина арабского типа, редкой красоты, в черном платье с повязкой Красного Креста на левой руке, и энергично разговаривала с вертлявым господином. Меня познакомили. Ею была Карцева³⁰ — жена русского консула³¹, а господин — корреспондент «Московских ведомостей». Она дочь яффского консула и купленной им невольницы. Мне она представилась чистокровной арабской лошадейю. Небольшая

³⁰ Гортензия Антоновна Порталис — ливанка французского происхождения, дочь шелкозаводчика.

³¹ В 1876 г. русским консулом в Белграде был Андрей Николаевич Карцов (1835–1907).

головка ее с резко, но красиво нарисованным профилем, с огромными глубокими черными глазами и с как смоль черными волосами; гибкая, стройная, страстная, от нее дышало палящим востоком. За ней сильно ухаживают рара et fils³² Токаревы, но, кажется, без большого успеха. Она расспрашивала подробности о раненых русских офицерах в деле 16 сентября, еще не привезенных в Белград, и горячо спорила об каких-то распоряжениях, которые не исполняются.

На лужайке устроены бараки для солдат почти с роскошью. Павильон, служивший прежде [для] музыки и прохладений во время загородных гуляний, обращен в офицерский госпиталь (одно я только не понимаю — кто гулял и для кого была прежде музыка и прохладения, ибо общество в Белграде состоит исключительно из немецких и еврейских коммерсантов, которые до далеких загородных гуляний не охотники). Очень тяжело раненых теперь не было, их оставляют в более близких к месту действий госпиталях. У офицерского павильона на носилках лежал, читая книгу, американец Браун без ноги, ему ее отняли после битвы 13 августа. Он, смеясь, рассказывал Токареву, как сегодня он был наказан за самонадеянность: «Вздумал я вдруг сегодня встать и пойти без помощи сестры, потерял равновесие и полетел с лестницы, но, к всеобщему и моему удивлению, остался цел и даже почти невредим».

Каких, каких только национальностей нету в армии. Славяне всех родов и видов, румыны, итальянцы, немцы, прусаки, швейцарцы, шведы, американцы, шотландцы, даже англичане, не знаю, есть ли французы. Возвратясь в Белград, я обежал его. Красиво он расположен, весьма еще в примитивном виде. Обедать отправился к Токареву, у него целое общество особ санитарного персонала: врачи, помощники и т[ак] д[алее]. Более других мне понравился Ринек³³, профессор Киевского университета.

Весь обед речь шла об различных случаях практики, которые представлялись в эту войну, — как одному субъекту полчерепа или челюсти не отняли, другого почти что пополам не разрезали, отыскивая пулю, и потом опять сшили, один какой-то с весьма интересной раной должен был непременно умереть и почему-то выздоровел, а другой непременно должен был выздороветь и умер, все подробности

32 Отец и сын (фр.).

33 Александр Христофорович (Христианович) Ринек (1837–1916) — врач, ученый, заведующий кафедрой хирургии Киевского Императорского университета.

В. Д. Поленов. Парачин. Конак князя Милана. Недостроенный собор. 28 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 18,4 × 25,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 77. Местонахождение: ГТГ

перемешаны терминами. Говорили об интригах и пакостях Кретчевского, об врачебном персонале, об негодности сербских врачей, об неспособности и вялости сербской прислуги в госпиталях. С большим одобрением отзывались все врачи об фельдшерицах и сестрах милосердия, особенно волонтерках, т[о] е[сть] тех, которые приехали сами по себе, помимо неутолимых общин. На одно жаловались все, что практики маловато. Например, такая фраза мне очень понравилась: «Он к нам был все время очень любезен (Владон Георгиевич³⁴, главный врач в армии), он постоянно присылал в наш лазарет очень трудные случаи».

³⁴ Владан Джорджевич (1844–1930) — сербский врач-хирург, один из основателей Красного Креста в Сербии (1876), начальник санитарной службы Моравско-тимочской армии (1876), в дальнейшем — писатель и политический деятель.

В. Д. Поленов. Мост через реку Чуприя в Парачине. 28 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 17,7 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 81. Местонахождение: ГТГ

Рассказывали про военные действия. Война ведется тут большей частью так: идут сербы и турки друг на друга и пуцают (стреляют), пока не страшно. Наконец, подойдут на ружейный выстрел, дадут залп, и кто куда, воображая, что одни других преследуют. Про штаб Черняева³⁵ тоже много было говорено всячины, но больше всё с худой стороны. Токарев рассказал, как их провожали в России и как встретили тут. В России, как известно, были напутственные молебны, чуть не на каждой станции их встречали градские и другие сановники и чиновники, народ восторгался и умилялся, их благословляли и прославляли, проливая горячие слезы сочувствия и т[ак] д[алее]... Приезжают в Землин; там их пропустили с уважением как отряд Женев-

35 Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) — генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор, политический деятель. Был главнокомандующим сербской армией в 1876 г.

В. Д. Поленов. Конник эскадрона имени генерала Черныяева. 10 октября 1876. Дерево, масло. 18 × 10,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 91. Местонахождение: ГТГ

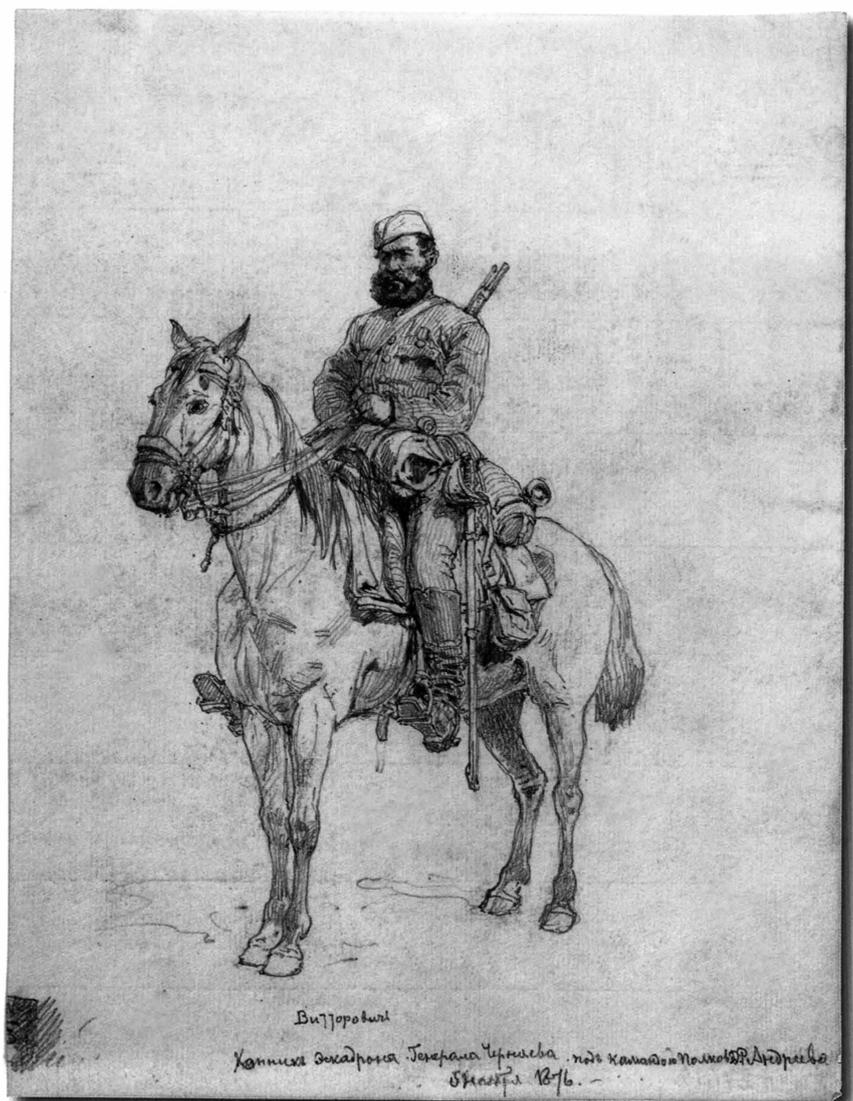

В. Д. Поленов. Большая дорога из Семендрии в Делиград. Кола с ранеными. 27 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 13,4 × 19,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 51. Местонахождение: ГТГ

ского креста³⁶. Подходит пароход к Белграду, слышен колокольный звон. «Это нас встречают», — говорит кто-то, и думают все. Причаливают к пристани, но на ней почти никого нет, какой-то не то чиновник, не то серб, да два жандарма с медными бляхами вместо погонов. «Где русский консул?» — спрашивает Токарев. Не знают, какой такой консул. Где экипажи, чтобы отвезти дам в отведенные помещения? Ни про экипажи, ни про помещения никто ничего не знает. Пришлось посылать за колясками, которых, если не ошибаюсь, в Белграде три, и отыскивать номера в гостиницах. А звон, слышанный с парохода, был звон к вечерне.

Какие бывают иногда неожиданные случаи. Между прочим, в кабинете уполномоченного за письменным столом сидит сестра, пишет

³⁶ Он же Красный Крест. Женевские конвенции Красного Креста — международные соглашения о защите военнопленных, раненых и гражданских в военное время. Подписаны в Женеве в 1864, 1929 и 1949 гг.

В. Д. Поленов. Витторович. Конник эскадрона генерала Черняева под командою полковника Д. Р. Андреева. 5 ноября 1876. Бумага, графитный карандаш. 25,3 × 19,2. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 113. Местонахождение: ГТГ

В. Д. Polenov. Раненый воин. Сербская армия. Конник. 1876. Дерево, масло. 10,2 × 18. Публикуется по изданию: Василий Polenov: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 115. Местонахождение: ГТГ

бумаги, меня назвали ей, ее тоже. Что-то давнее вспомнилось мне, как сон, но я сразу не сообразил. Когда пошли пить чай, она мне говорит: «Я знаю Вас не с сегодняшнего дня, а Вам стыдно старых друзей забывать!» Я припоминаю, что-то туманное носится в памяти, но никак не могу поймать.

— Вы, может быть, забыли весну 68 года?

— Боже мой, патриотический институт!..³⁷ телеграммы, переписка?

— Да.

— Вот где судьба привела нас встретиться! С тех пор столько воды утекло, да и так неожиданно, что я никак сразу не мог вспомнить... Это удачно для начала...

Пошли расспросы, припоминания...

— Вы долго здесь остаетесь?

³⁷ Женский патриотический институт — среднее учебно-воспитательное женское учреждение, существовавшее в Санкт-Петербурге в 1813–1918 гг. Было учреждено как благотворительная организация для помощи дочерям военных, в том числе осиротевшим в результате войны 1812 г.

В. Д. Поленов. Приемная, столовая, спальня, кухня. 1876. Дерево, масло. 10,2 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 91. Местонахождение: ГТГ

— Нет, еду в армию.

— Когда?

— Завтра, пожелайте общему делу успеха и гибели туркам.

— Разумеется, от всей души и сердца, и Вам в особенности.

— Может бы[ть] еще увидимся, если вернусь.

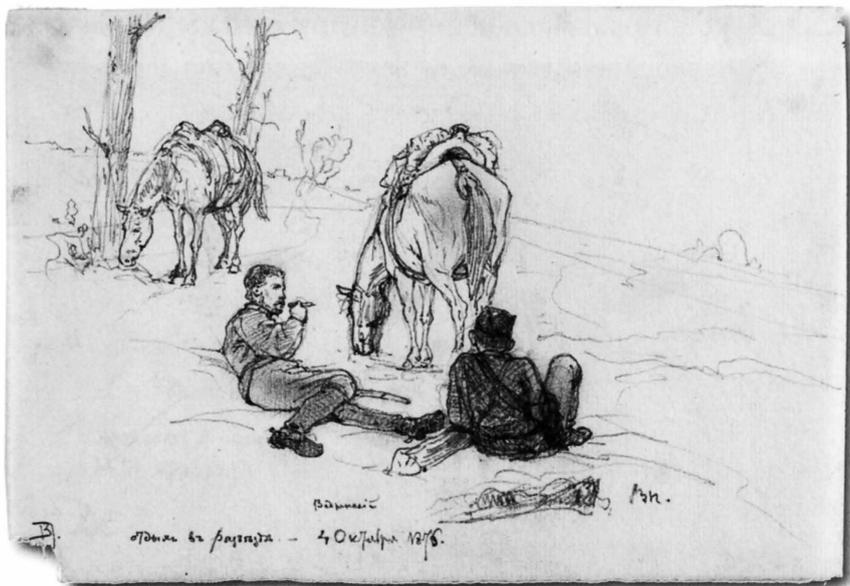
— Будете писать Вашей сестре³⁸, от меня не забудьте прибавить...

На другой день в 7 часов утра отходил пароход в Семендрию (Смедерево) и Дубровицы³⁹, а оттуда на Парачин и Делиград в армию. В три часа по полуночи получил от Токарева депеши к главнокомандующему и объяву.

(26 [сентября]). В шесть часов утра был на пароходе. Народу много, утро чудесное, Дунай как зеркало, Белград красуется на горе, на пристани оживленно. Путешественники самые разнообразные, мно-

38 У В. Д. Поленова было две сестры — близнец Вера Дмитриевна Поленова (1844–1881) и младшая сестра Елена Дмитриевна Поленова (1850–1898).

39 Возможно, Дубравица — населенный пункт в Сербии рядом с городами Пожаревац и Смедерево.

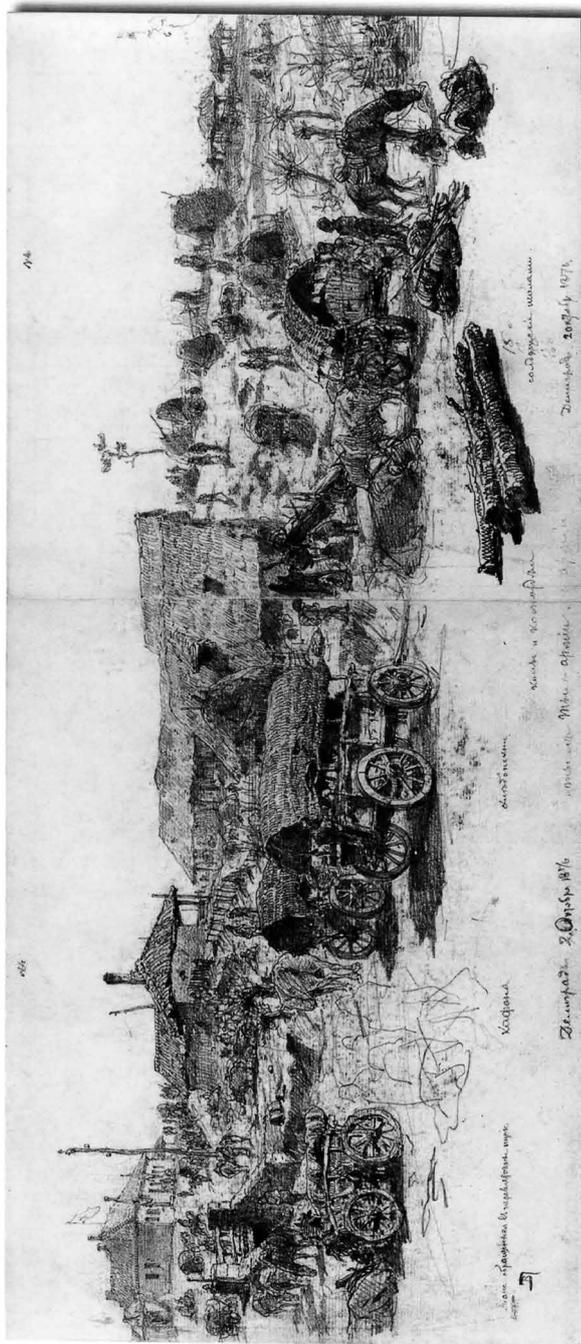

В. Д. Поленов. Отдых в разезде. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 13,2 × 19,2. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 107. Местонахождение: ГТГ

го русских, два офицера, один раненый едет в Базиаш⁴⁰, а оттуда в Россию. Три доктора. С двумя из них, Островским и Протичем, познакомился накануне у Токарева. Островский — начальник Пожаревацкого округа, ловкий разбитной поляк, хвостун, как всякий поляк, очень плохой медик, но чудесный администратор, ведущий свое дело хотя не вполне чисто, но по-военному и с треском. Протич, с которым пришлось мне ехать полдороги вместе, представляет из себя добродушного, но глупого серба. Доктор Склифосовский⁴¹ возвращается из

40 Базиаш — село в Румынии на реке Дунай на границе с Сербией, в котором расположен одноименный мужской монастырь в честь Вознесения Господня.

41 Николай Васильевич Склифосовский (1836–1904) — русский врач-хирург, военный врач, специалист по хирургии брюшной полости. В сербско-черногорско-турецкой и русско-турецкой войнах был военнопольным хирургом, ведущим хирургом Русской императорской армии.

В. Д. Поленов. Делиград. Тыл сербской армии. 2 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,8 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 85. Местонахождение: ГТГ

Черногории и осматривает русские госпитали в Сербии; рассказывает чудеса храбрости про черногорцев. Далее корреспондент «Голоса», некто Любимов, непозволительная личность, один из российских фениксов, окончивших курс в заведении искусственных минеральных вод⁴², как говорит Щедрин⁴³. Нахальный, плоский и навязчивый дурак. Затем много сербов — усатые и безусые, слегка жидовидные, несколько недурных серблянок в городском национальном костюме: ярко-алая феска с маленькой черной кисточкой (мужчины носят их темно-кирпичного цвета), обвитой огромной косою черных волос, на самой надета атласная или суконная турецкая куртка, обшитая серебряным или золотым галуном. У сербских женщин глаза особенно хороши — темные, глубокие, продолговатые... Погода чудная, ни облачка, настроение самое веселое, войны точно будто и нет. Все заняты обыденными своими делами. Сербский берег Дуная нагорный и красивый, — австрийский плоский. Большинство публики сидит в крытой каюте на палубе, завтракают, пьют неготинское вино⁴⁴ и цырный кофе.

Внизу в каюте сидят серьезные люди, негоцианты, и толкуют по-немецки.

В углу сидит спит сестра, пользуясь свободным временем, чтобы выспаться в запас.

Остановились в Смедереве. Перед городом на берегу Дуная стоит древняя турецкая крепость с двадцати семи башнями, построенная из римских развалин с мраморными разбитыми барельефами в кладке стен. На берегу стоят кареты Красного Креста для перевозки раненых — кареты эти только что получены из Англии.

Из Дубровиц отправились в Пожаревац, откуда должны будем двинуться к Делиграду. Но ни кол⁴⁵ (телег), ни коней нет — утру эвакуировали госпиталь и отправили 40 раненых на подводах.

42 Имеется в виду «Заведение искусственных минеральных вод», часто упоминаемое в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина как увеселительное заведение со специфическими зрелищами под началом И. И. Излера. Кроме цыганского хора, оперетты, канкана и выступлений акробатов в театральном павильоне заведения, очевидно, происходили некие эротические перфомансы.

43 Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889) — русский писатель-сатирик.

44 Неготинский край — винодельческая территория в Сербии неподалеку от границы с Болгарией.

45 От сербского «колица» — тележка.

В. Д. Поленов. Римская крепость в Семендрии (Смедерево). 26 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 26,6. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 47. Местонахождение: ГТГ

Островский оказал мне самый любезный прием и предложил остановиться у него. Показал мне пять своих госпиталей на 300 кроватей, разбросанных по городу. Во время обхода познакомил меня с своим санитарным персоналом: два врача, русский и серб, девять студентов медико-хирургической Академии, три студентки, две сестры-волонтерки и две сербские фельдшерицы. Я только было разговорился с одной из сестер (Некимеловой), как Островский в 5 минут ее сплавил зачем-то в Белград. Признаюсь, мне понравилась эта быстрота. Она тайком от семьи прикатила из Одессы на несколько рублей в Сербию, не зная ни единой души, и была поймана и завербована Островским на пароходе, когда она, голодная и потерянная, не знала, что предпринять. Теперь он выхлопотал ей по 50 р[ублей] в месяц жалованья от славянского комитета. Он очень хвалит ее: «Работает она у меня за троих мужчин, бог ее знает, когда она и спит — всё при больных».

Другая, Розинг, девушка достаточной семьи, дочь генерала, как представил ее Островский, приехала на свой счет. «До Сербии она ни разу в своей жизни не только не видела раненого, но не была в больнице, а теперь так наострилась, что заведует целым отделом в одном госпитале, энергичный и ловкий работник, хотя и дочь генерала», — отозвался об ней доктор, ее начальник.

Некоторых студентов Островский тоже очень хвалит, но не одобряет сербских врачей. Вчера, напр[имер], понадобился инструмент, которого в госпитале не оказалось, студент бежит к местному земскому доктору, тот флегматически отказывает, говоря, что испортят ему инструмент.

Много новых ощущений испытал я в этот день. Эти палаты с больными, эти перевязанные руки, ноги, головы; некоторые ампутированные. Один особенно мне врезался в память — без руки и с раздробленной ногой молоденький болгарин. Островский с ним шутит, обещает скорого выздоровления — тот доверчиво, даже с любовью ему улыбается — мне же Островский говорит, что он почти к смерти приговорен. Неприятное и прискорбное впечатление производит дисциплинарный лазарет, где лежат раненые в палец. Их приходится почти 80 % на остальных раненых. Все утверждают, что они нарочно простреливают себе руку, чтобы иметь предлог уйти из армии, — очень вероятно, что так.

Вечером к чаю собрал[ась] к Островскому большая часть санитарного отряда. Он привез из Белграда всем своим подчиненным подарки, т[о] е[сть] всякие хирургические инструменты и перевязочные принадлежности. С какой алчностью они набросились и разбирали эти невеселые предметы, точно лакомства какие. Позже всех пришел из дальнего лазарета письмоводитель Островского. Он принес известия, что турки обходят Неготин, а сербы отказываются защищаться. Если так, то в три перехода неприятель может быть в Пожареваце. Что меня поразило, это что тут на месте об движении войск как своих, так и неприятельских гораздо меньше знают, нежели чем у нас в Петербурге — гибель разнообразнейших и разноречивейших слухов.

27 [сентября]. Рано утром тронулись в путь.

Сербские колы состоят из жердочек и прутьев.

Небо все безоблачное, дорога хорошая, шоссе, но жарко и пыльно. Страна благодатная, богатая, цветущая, ленивая. После двухчасовой тряски остановились у водополя. Белое каменное сооружение с остатками турецкого стиля. Несколько коней пьют воду в колоде, подальше в

В. Д. Поленов. Бегунцы из-под Зайчара. 28 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 13,2 × 19,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 59. Местонахождение: ГТГ

тени сидят солдатики, мы подошли. Они были отпущены на несколько дней в свои кучи (дома) и теперь возвращаются опять на границу (т[о] е[сть] на место действия). Они предлагают нам поесть с ними «добро свинско печенье» (жареная свинина), хлеб и раки⁴⁶ (водка). Рассказывают про подвиги русских офицеров, что их ранят только в грудь. Один поручик (солдат не помнил его имя) был ранен в руку навывлет, сам перевязал рану и продолжал идти вперед, пока гранатой не оторвало ему ногу. К вечеру он умер. Другой с разбитой ступней сел на лошадь, пошел в атаку, но больше не вернулся. «Хороший был господин, жаль его, — прибавил рассказчик. — Русские офицеры куда как храбрее и добрее наших. Наши берут с солдата последние десять пар (пять сантинов), а если у кого нет денег, то бьют, не дают ни пить, ни есть, заставляют исполнять самые трудные работы».

⁴⁶ Ракия — крепкий алкогольный напиток, традиционный для южнославянских народов.

Действительно, это общий отзыв, что сербские офицеры так же неразвиты и невежественны, как и солдаты, но, имея власть, обращаются очень худо с солдатами и пользуются временем службы, чтобы нажиться, сколько можно. Далее встретили двух русских офицеров, едущих в Белград в отпуск на несколько дней. Один, из русско-болгарской бригады Медведовского⁴⁷, рассказывал об разгроме их отряда 16 числа, об странности поведения Медведовского, который торжественно дал клятву быть впереди в белой папахе, а во время боя его белой папахи не только впереди, но и назади никто не видел. И он оправдывается будто бы тем, что его ординарец у него снял ее и спрятал себе под седло, находя, что стоять рядом с белой папахой небезопасно.

В Шабаре⁴⁸ мы обедали, кухня непривлекательная в Сербии, начиная с супа и кончая каким-то сладким тестом вместо пирожного, — всё с перцем, так и дерет горло. Кафана соединяет в себе трактир, постоялый двор и кабак. Одноэтажное здание, белое, как все здания вообще и с открытой наружной галереей, спереди стены внутри галереи расписаны изображениями славянских героев. Главную роль играет кралевич Марко⁴⁹. Живопись не особенно художественная, по стилю конца 18 века, и королевич Марк изображен в виде герольда Людовика XIV⁵⁰. Внутреннее помещение, большая грязная-прегрязная комната с большой печью, в которой постоянно варится цырны кафе, разукрашена дрянными немецкими хромолитаграфиями более или менее клубничного содержания. Признаков самостоятельного искусства почти нигде нет, всюду, где только появляется орнамент лепной или живописный, архитектурная подробность, все это либо турецкое, либо немецкое.

На дороге встретили огромный караван бегунцов (беглецов) изпод Зайчара⁵¹, болгар и сербских валахов. Кол триста тянулись тихо на волах одна за другой, домашняя утварь, кукуруза, ребятишки, стада

47 Николай Юлианович Медведовский (1846–1895) — русский военный, полковник, в 1876 году отправился на сербско-турецкую войну добровольцем.

48 Вероятно, Жабари — село в Сербии, в 50 км юго-восточнее Смедерева.

49 Королевич Марко (Марко Мрнявчевич, Марко Кралевич; 1335–1395) — герой сербского, македонского и болгарского эпоса, выступающий как народный защитник и борец против турецких поработителей.

50 Людовик XIV де Бурбон (1638–1715) — французский король, известный также как «король-солнце» и Людовик Великий.

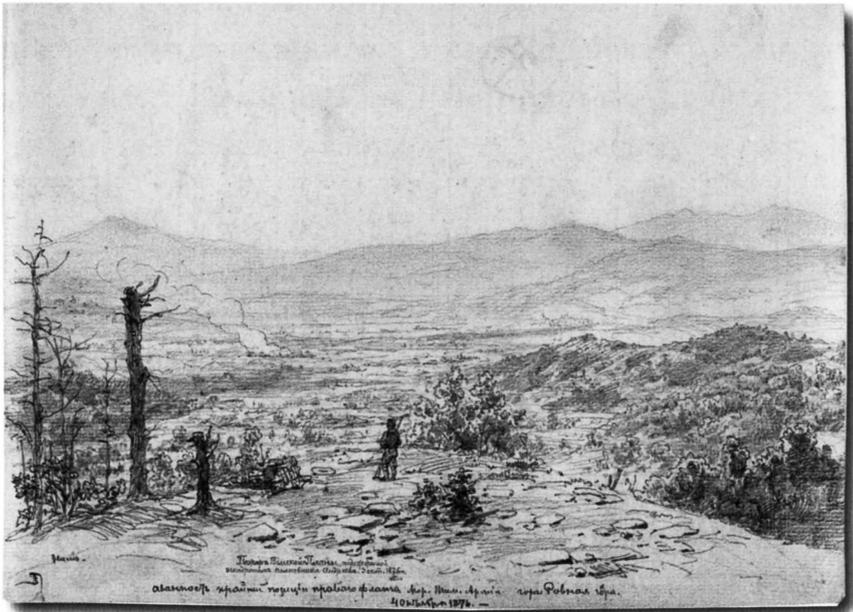
51 Заечар — город в Сербии, в 70 км восточнее Парачина. Был захвачен и уничтожен турками в самом начале войны.

В. Д. Поленов. Обитатели Северной Сербии. 1876. Дерево, масло. 10,2 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 69. Местонахождение: ГТГ

баранов... Любопытно, что женщины, начиная с маленьких девочек пяти-шести лет и кончая старухами, все идут и с прялкой и веретеном и прядут. Валахско-болгарский женский костюм необыкновенно красив: белая шитая рубаха, белый или цветной платок на голове, на груди, в ушах и голове украшения, монеты из серебряных турецких монет, на руках золотые и серебряные браслеты, на иной серебра и золота дукатов на пятьдесят. У башибузук⁵² чутье неплохое, что они отправились донжуанничать и разбойничать в Болгарию. Во-первых, болгарские женщины необыкновенно красивы, а во-вторых, есть что и взять у них. Белая рубаха до щиколоток, спереди передник либо поперечно-полосатый, либо вышитый персидско-славянским узором, чрезвычайно характерным и живописным. Эта часть костюма, как мне объяснил мой спутник, составляет отличительный признак женщины от девушки. Сзади длинная густая темно-синяя бахрома, покрывающая заднюю часть рубахи, болтающаяся как хвост у лоша-

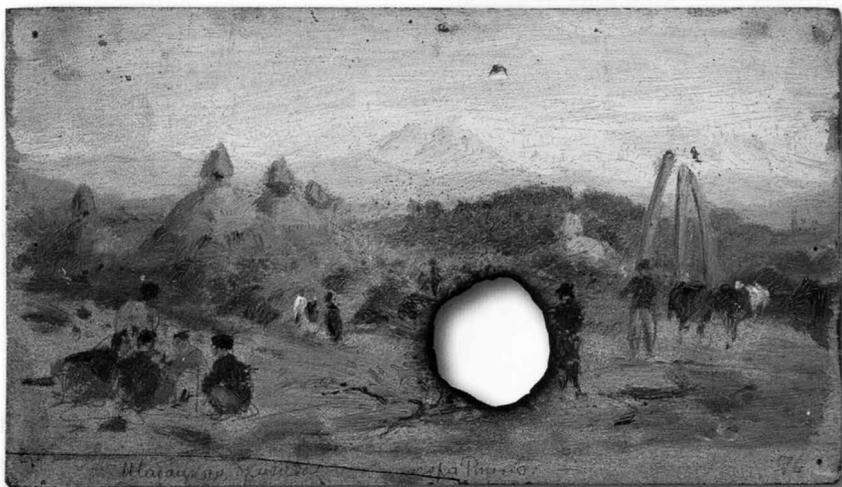
⁵² Башибузуки (от тур. başibozuk — «сорвиголова») — отряды наемных солдат в Османской империи, действовавшие в том числе на Балканах.

В. Д. Поленов. Ним. Пожар Великой Планы, подоженной эскадрон полковника Андреева. Аванпост крайней позиции правого фланга Моравско-Тимокской армии. Гора Ровная гора. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,2 × 25,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русско-го добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 97. Местонахождение: ГТГ

ди, — она придает движению что-то плавное и правильное. Вообще женские костюмы в Сербии красивы и притом чуть ли не в каждом уезде различны. У мужчин, шедших при караване (их было меньше, чем женщин), были надеты бараньи шапки [в] виде мухомора, в белых куртках и белых штанах, не придержанные щеплетами, как у других славян полуострова. Вообще почти все были одеты хорошо, а многие даже богато, они бежали не после разгрома, а от него.

На одной из станций разговорился я с одним сербом (все немного образованные сербы говорят на общеславянском языке, т[о] е[сть] немецком, и вообще этот язык оказывал мне много добрых услуг во время путешествия). Серб этот оказался школьным учителем. Пока перепрягали лошадей, я пошел посмотреть школу. Довольно чистая большая комната с немецкими картами, учится в ней человек 70, теперь, разумеется, пу-

В. Д. Поленов. Шабачкая бригада. Передовые позиции сербской армии. 1876. Дерево, масло. 10,5 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 95. Местонахождение: ГТГ

стует. Надо заметить, что почти все сербы грамотны, что, впрочем, не мешает им быть еще в очень первобытном и тупом состоянии. Учитель свел меня и на свою половину, привел жену и дочь, которая подошла и приложилась мне к руке, хотя ей уже лет осмнадцать. Но таков древний патриархал[ьный] обычай гостеприимства. Угостил меня собственного изделия вином, молодым и очень невкусным, и дал на дорогу грушу, жесткую, как дерево, но все это с сияющим радушием на лице.

В Свилайнацах⁵³ мы ужинали. Зашли в госпиталь. Нашли там двух раненых русских, офицера, один тяжело раненый, именно Новоховский. «Ранен я в постыдном деле под Зайчаром 26 августа⁵⁴, — рассказал он нам, — дело уже кончилось, сербы бежали со всех пунктов, перестрелка прекратилась, я грустно ехал за смешавшимися отступающими войсками, как вдруг получил ошеломляющий удар в спину, будто кто-то заслонкой хватил меня по хребту; я тут же потерял сознание.

⁵³ Свилайнац — город в Сербии, в 55 км юго-восточнее Смедерева.

⁵⁴ В августе 1876 г. турки сломали сербское сопротивление, захватили Заечар и сожгли город.

Вы знаете, что сербы во время отступления не подбирают раненых. Долго ли, коротко ли я лежал, не помню, но, когда очнулся, уж никого не было вокруг, ни турок, ни сербов. Всё на мне в крови, слабость ужасная, вынул револьвер, чтобы застрелиться, если покажутся черкесы. Наконец поднялся и тащился на авось, полчаса тащился я таким образом, наконец меня увидели свои, подбежали, тут я опять потерял сознание». Другой офицер ранен в ногу при поражении 16 сентября. По его словам, русские, болгары и черногорцы представляли из себя в этот день мишень для турецких пуль и гранат, в то время как победоносное сербское воинство бежало на трак...

Ночь лунная, по дороге обозы и таборы бегунцов расположились ночевать — всюду костры из кукурузы, красиво. Рано поутру добрались мы в Чуприю. Я зашел в оружейные мастерские. Старые курковые ружья стараются переделать в новые. Потом зашли в барак доктора Таубера (по отзывам врачей образцовый). Симпатичный и дельный господин, хвалил очень двух фельдшериц, приехавших из Цюриха, но не одобряет сестер общины кн[ягини] Шеховской⁵⁵, которая, к счастью, «как-то раз так испугалась турок, что сама ускакала и велела всем своим сестрам следовать за ней, поэтому у меня их теперь нет, чему я очень доволен — от них, кроме сплетен и ссор, мало было толку». И это общий отзыв. Про самую княгиню рассказывают, что она мила и любезна с больными до снисхождения.

В Чуприи начинаешь чувствовать близость войны: запасные батареи, оружейные кузницы, по дороге на возвышенностях появляются укрепления и шанцы⁵⁶. Партии солдат тянутся к Делиграду. Приехали в Парачин. Парачин — это летняя резиденция короля и пребывание штаба (начиная с Чуприи он становится королем⁵⁷). На

55 Наталья Борисовна Шаховская (урожд. Святополк-Четвертинская, 1825–1906) — княгиня, фрейлина императрицы Александры Федоровны, впоследствии благотворительница. В 1871 г. основала в Москве общину сестер милосердия «Утоли моя печали», а в 1876 вместе с 36 сестрами отправилась в Сербию на войну, награждена за военные заслуги орденом Такова I степени.

56 Шанец — земляное сооружение, использовавшееся во время военных действий для защиты орудий.

57 Имеется в виду Милан Обренович (1854–1901), объявивший в 1876 г. войну Турции, в 1868–1882 гг. бывший князем Сербии под именем Милан Обренович IV. Официально стал королем Сербии в результате упразднения титула «князь Сербии» только в 1882 г. под именем Милан I Обренович.

В. Д. Поленов. Сербский пикет в лесу. 1876. Дерево, масло. 10,5 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 109. Местонахождение: ГТГ

большой площади стоит огромное неконченное сооружение, собор и конак (дворец) князя, — одноэтажное белое здание с галереей, как отличающееся от других подобных ему гауптвахтой спереди и трехцветным флагом. Против дворца речка (приток Моравы)⁵⁸ и мост через нее. В ней купаются ребятишки, лошади, телята. На площади свиньи, колы с волами, солдаты варят что-то в котле. В трактире, где я остановился, ужинали на дворе с внутренней галерейкой вроде западных клуатров⁵⁹, усаженном деревьями и освещенном фонарями. Сербские офицеры из штаба, живущие во дворце, пришли ужинать и все время пели народные песни и гимны на немецкий манер стройно и хорошо (собственно народное сербское пение невыносимо дико и фальшиво). Потом пришел оркестр скрипачей-цыган. Удивительный музыкальный склад у этих людей, точно будто все импровизируют, а выходит ладно и стройно. В противоположной кафане тоже шло пение, но не складное, пели русские добровольцы.

⁵⁸ Имеется в виду река Раваница.

⁵⁹ Клуатр — квадратный или прямоугольный внутренний дворик церкви или монастыря, закрытый для мирян.

За ужином познакомился с поручиком Зацепиным (Шабачкой бригады, теперь уже все и всюду военные). Молодой мальчик с загорелым, миловидным, но добродушным лицом, с медалью и Таковским крестом⁶⁰. Он должен был ехать в Делиград тоже после ужина и пригласил меня остановиться в своей землянке, так как в Делиграде негде найти ночлега. К сожаленью, я не мог воспользоваться его предложением, ибо, когда я на другой день приехал в Делиград, Шабачкая бригада была переведена далеко на правый фланг позиции. В Парачине я расстался с моим спутником-врачом и отправился с одним офицером, подпоручиком Филипповым, отряда Меженинова⁶¹, который приезжал закупить для своей роты всяких съестных припасов.

Чем ближе к театру, тем больше обозов и таборов всякого рода, всяких людей — дорога заставлена почти сплошь. В Ражанах⁶², шест[ь] верст от Делиграда, остановились выпить вино. На дворе и в кафане народу тьма, офицеры, солдаты, сербы, русские, черногорцы, [...] проводники, извозчики, крик, шум стоит неумолкаем[ый], ругательства так и сыпятся. Сербы приправляют почти всякий разговор самыми грубыми ругатель[ствами], и это делается самым хладнокровным манером. Говорят, что под Делиградом идет битка (битва) и жаркая. Всё битком набито. Долго не могли добиться вина. Освежившись, отправились дальше, стало светлее, луна взошла. Перевалив через первую гору, слышали глухие мерные выстрелы орудий... Дорога так заставлена, что нигде проехать нельзя, пришлось остановиться, свернули в сторону, завернулись как могли и крепко заснули. Хорошо, что ночи не холодные. Утром рано поехали в Делиград. Простившись с своим спутником, который отправился в свою бригаду, я отправился в штаб. Главнокомандующий еще не принимал.

Я отправился к начальнику штаба (Комарову⁶³). Внешний его вид невнушительен, небольшого роста, с редкими белокурыми волосами, с большим лбом и с усталыми суетливыми глазами, не внушающими доверия. Я был им принят очень сухо и рассеянно, он делал мне по нескольку раз один и тот же вопрос и назначил мне явиться к главно-

60 Орден Таковского креста — сербская государственная награда, учрежденная в 1865 г. и упраздненная в 1903 г.

61 Александр Павлович Меженинов (1834–1910) — русский генерал, командир русско-болгарской бригады в Сербии.

62 Ражань — город в Сербии, в 50 км северо-западнее города Ниш.

63 Виссарион Виссарионович Комаров (1838–1907) — полковник русской армии, генерал сербской армии, общественный деятель и журналист.

В. Д. Поленов. Черногорец. 1876. Дерево, масло. 18 × 10,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 99. Местонахождение: ГТГ

командующему через час. В 9 часов дежурный ординарец доложил, я был принят Черняевым и передал ему порученья. Он произвел на меня противоположные впечатления первому. Он очень некрасив, но необыкновенно симпатичен, что-то внимательное и доброе считается в его глазах, [вас] охватывает какая-то теплота и безотчетное доверие к этому человеку, вы для него готовы идти в огонь и в воду. Он взял у меня депеши и письма и пригласил к себе обедать. Я поблагодарил и пошел в офицерские бараки штаба; все в веселом настроении — вчерашняя стычка была удачна, т[о] е[сть] ни в чью. Идет болтовня об разном вздоре, об войне между прочим, все ждут перемирия, а потом и мира; неудачная война всем надоела, а пальба из орудий время от времени все идет да идет, на нее внимания не обращают. Штабные офицеры чистенькие, нарядные, и сербский походный мундир выглядит на них очень элегантно. Боевые офицеры, приезжающие с позиций, наоборот, загорелые, почернелые, обносившиеся. В час я отправился в штаб к обеду. В середине подают шампанское, Черняев встает и, сконфуженно глядя себе в бокал, говорит, что почтенный наш сотоварищ начальник штаба Виссарион Виссарионович Комаров покидает нас на время, чтобы проводить свою супругу за границу, поэтому выпьем за его здоровье и за скорое возвращение. Короткое и сухое «ура». Когда после обеда главнокомандующий ушел, почтеннейший Виссарион Виссарионович сказал речь, в которой между прочим объяснил, что тут нет ни одного лица, которого он бы не оскорбил, но тем не менее личного тут ничего не было, что он был предан великому делу, за которое готов был каждую минуту пожертвовать жизнью. Между прочим, я познакомился тут с капитаном Тимковским, адъютантом известного храбреца Андреева, взорвавшего с Постельниковым⁶⁴ турецкий мост на Мораве. Тимковский звал меня к ним на позицию, но я не мог ему дать положительного ответа, так как еще не получил никаких приказаний. Вечером был позван главнокомандующим к себе и пробыл у него более часа.

Редко приходилось мне встречать такого симпатичного человека, как Михаил Григорьевич Черняев. Ни фатовства, ни позировки, а, напротив, необыкновенная простота и скромность во всех словах, приемах и действиях. При этом глубокая преданность идее, которая сообщалась и вам, совершенно вас побеждала и заставляла вас чуть что не боготворить его. К сожалению, мне показалось, что он начи-

64 Вероятно, Василий Иванович Постельников — русский инженер-полковник, член русской военной миссии в Сербии.

В. Д. Поленов. Батарея св. Ангела (Арханджеловацкая) у деревни Сушица. 9 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,7 × 24,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 120. Местонахождение: ГТГ

нал уже сильно сомневаться в возможности привести свои желания к счастливому окончанию. Подробно расспрашивал меня об России, об настроении правительства и общества. Спрашивал, можно ли надеяться получить от первого помощь. Между прочим, он рассказал мне историю своего прибытия в Сербию.

Когда третье отделение узнало об его намерении отправиться помочь восставшим славянам, его призвали и запретили ему ехать в Боснию или Герцеговину, куда он и намеревался сначала ехать, вследствие чего он и очутился в Сербии, а между тем дали знать на таможни, чтобы такого-то Черняева не пропускать. Поэтому из Кишинева он пробрался через границу из деревушки, в которую телеграф не проведен.

«Сильно ошиблись мы все в сербах, и отчего такая перемена, объяснить даже трудно, народ, который так геройски боролся за свою

независимость несколько десятков лет тому назад, стал теперь совершенно к этому неспособен. Сербы народ чрезвычайно покорный и мягкий (это, впрочем, общеславянское качество), но тупой и почему-то трусливый не в меру. С моего приезда я все старался отыскать в них чувствительную сторону и ни к каким положительным результатам не пришел. Любви к своей родине в нашем смысле у серба нет: он любит свою кучу (дом), потому что там ему спокойно, а беспокоиться серб не любит. К религии они равнодушны, и никакого самолюбия. Черногорцы по развитию тоже немногим дальше их ушли, но зато у них есть *point d'honneur*⁶⁵. Когда я приехал поздравить их с наградами, а у них вышла какая-то ссора из-за этих наград, то они меня чуть в ятаганы не приняли. Хор завел у себя, думал хорошим пением подействовать на славянскую музыкальность, но в сербах ее не оказалось» (действительно, такого неприятно фальшивого и унылого пения, как тут, я еще нигде не слышал).

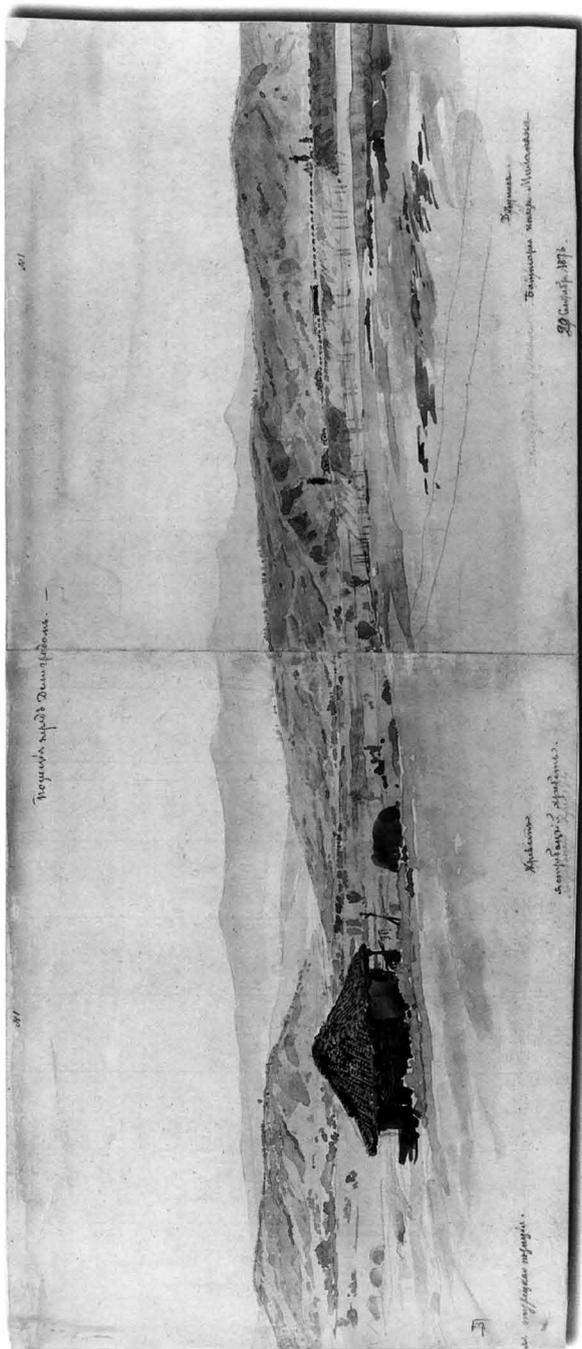
«Болгары — те гораздо симпатичнее сербов и имеют много общего с нами, русскими. Правда, что вековое турецкое давление сделало из них людей робких, боязливых и забитых, но по натуре они несравненно тоньше и восприимчивее деревянных сербов. Сербы апатичны, ленивы, нерасторопны, болгары же, напротив, трудолюбивы, изобретательны и ловки во всяком деле, и какая богатая страна эта Болгария, впрочем, и Сербия природой не обижена, Вы в этом сами могли убедиться, ехавши сюда».

Я его стал расспрашивать об военных действиях: «Несмотря на наши поражения, мне кажется, что мы одержали пассивную победу. Турки дальше не идут. Благодаря ли бездарности пруссака Осман-паша⁶⁶ или просто трусости турок, но мы с нашими слабыми средствами, с армией, в которой половина людей взята прямо от сохи и вооружена чуть не дубинками, удерживаем, удерживаем неприятеля, в три или четыре раза сильнейшего нас. Не будь на их стороне Англии, мы, может быть, теперь не тут бы были, вот это ружье (американское магазинное) дает восемнадцать выстрелов, не заряжая, и этим вооружены черкесы и башибузуки».

Подробно расспрашивал меня об России, об настроении общества и правительства, есть ли надежда получить от первого помощи?

65 Вопрос чести (фр.).

66 Осман Нури-паша (1832–1900) — турецкий военный министр, маршал, командовал турецкими войсками в битвах с сербами, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В. Д. Поленов. Позиция перед Делиградом. Долина реки Моравы. 29 сентября 1876. Бумага, акварель. 19,5 × 46,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-гусецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 83. Местонахождение: ГТГ

Стыдно и нерасчетливо нашему правительству держать себя в таком официально холодном отношении к горячему движению, охватившему всю Россию. Мои намерения Михаил Григорьевич одобрил, указал, что именно делать, и обещал дать мне всякие пособия. Словом, я вышел от него совершенно им обвороженный, мне припомнился Кутузов в «Войне и мире»⁶⁷.

На другой день я явился к Дохтурову⁶⁸, новому начальнику штаба. Принят был им совершенно не так, как накануне. Он был со мной изысканно любезен. Он показал и рассказал, что мне нужно делать, обещал дать лошадь и двух ординарцев, поручил своему помощнику все это исполнить и т[ак] д[алее]. Ничего этого, разумеется, не исполнилось, так как там вообще мало что исполнялось, всякий действовал больше по вдохновенью, но, несмотря на это, и за доброе намеренье спасибо.

1-го октября. Поутру идет канонада, впрочем, небольшая, так, от скуки. На нее мало обращают внимания. Днем бродил по окрестностям Делиграда в тылу армии. Что за живописная путаница, какого только народу там нет, но прекрасный пол почти отсутствует. Разговорился с выздоравливающим русским офицером, тяжело подействовал на меня его рассказ.

«16 числа я чуть было не остался в турецких шанцах, мы двое шанец прошли и подходили к третьим, когда я упал — пуля попала мне в пах, при операции оказалось, что я был ранен навывлет, в это время неприятельский огонь так усилился, что сербы не устояли и побежали. Сербы при конце сраженья, т[о] е[сть] когда они бегут, не выносят раненых, а оставляют их на гуманное благоусмотрение турок. Я прошу, умоляю — не действует, предлагаю пять дукатов — тщетно, десять дукатов — то же самое, наконец, двадцать дукатов... подействовало, взяли на ружья и вынесли. Но представьте их наивность,

67 Имеется в виду одна из сцен встречи Андрея Болконского с Михаилом Кутузовым в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», подчеркнутая неравнодушное и чуткое отношение военачальника к своему адъютанту. (вероятно, в 16-й главе второй части третьего тома, где Кутузов сказал князю: «...помни, что я всей душой несу с тобой твою потерю и что я тебе не светлейший, не князь и не главнокомандующий, а я тебе отец. Ежели что нужно, прямо ко мне»).

68 Дмитрий Петрович Дохтуров (1838–1905) — русский генерал, участник сербско-турецкой войны, русско-турецкой и кавказской войн, внук героя 1812 года Д. С. Дохтурова.

В. Д. Поленов. Встреча с башибузуками и черкесами. 8 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,7 × 24,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 116. Местонахождение: ГТГ

ротный командир, который распоряжался моим спасением, является на другой день к главнокомандующему и требует у него обещанные мною 20 дукатов. Вышел ужасный скандал. Черняев, говорят, страшно рассердился, тотчас же отдал просителя под суд и хотел, чтобы его для примера наказа[ть] по-военному, а между прочим послал спросить у меня, что я об этом думаю. Я велел сказать, что прошу не только что помиловать наивного ротного командира, но как можно скорее отдать ему обещанные мною деньги, ибо в противном случае русские добровольцы потеряют всякую возможность быть подбираемы на поле».

За ужином послышались сначала редкие выстрелы из орудий, которые постепенно учащали. Все переглянулись. Через несколько минут вошел дежурный ординарец и подал главнокомандующему де-

пешу. Прочтя ее, он сказал что-то начальнику штаба, который вскочил и выбежал. Канонада все усиливалась. Минут через пять взмошел начальник штаба, вернулся с донесением. Черняев встал и вышел, за ним бросились все. Турки почему-то открыли огонь из орудий почти по всей линии.

Вечером он представляет довольно красивое зрелище: блеснет молния, через несколько минут глухой раскат, а потом более слабый удар — это разрыв снаряда.

Поскакали ординарцы в разные стороны. Мы взобрались на пригорок, чтобы лучше видеть спектакль, толки, догадки, объяснения.

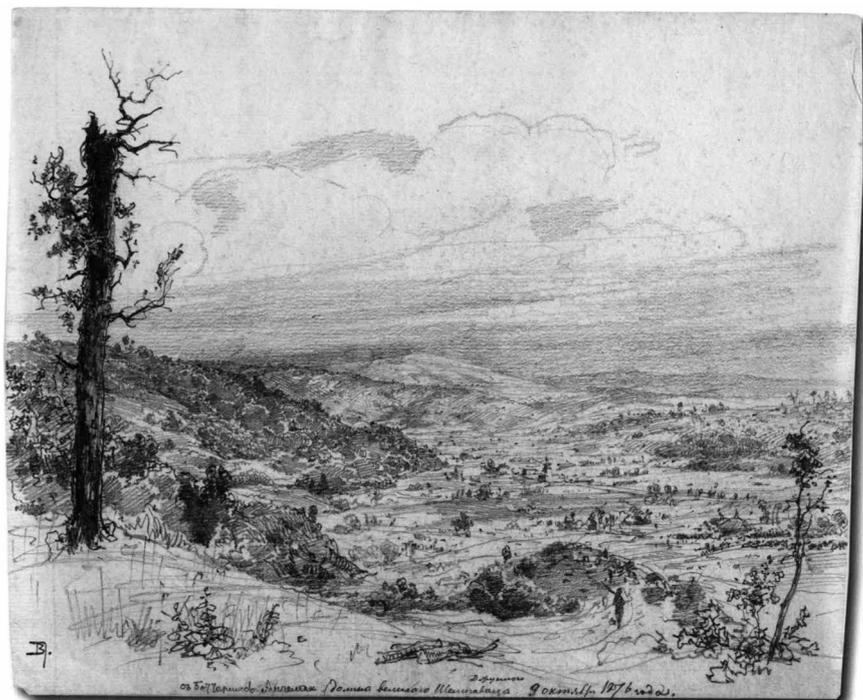
Оказалось, что в Бабавиште⁶⁹ заметили наших охотников, отправившихся на рекогносцировку, и открыли пальбу, наша батарея ответила, и пошло писать. Впрочем, скоро пальба стала затихать, было велено ехать на наши батареи с приказанием не отвечать. Как только мы замолчали, турки тоже стали умолкать, и через час все стихло.

Не успели успокоиться от тревоги, как показалось пламя, послышались крики: «Пожар!» Действительно, в середине штаба загорелся шалаш (шалашаи и бараки штаба были сделаны из досок, соломы и камыша, поэтому занялось как порох). Опять суматоха, команда, крик, ржанье лошадей, пальба патронов, которых находилось множество в каждом шалаше, и наконец разрыв турецкой гранаты, поднятой на поле и оставленной неразряженной. К счастью, ветер, который был довольно силен при закате, теперь стих, и понемногу огнем овладели. В нашем шалаше помещалось четверо, пришлось поместить еще пятерых и погорельцев, вышло немного тесновато, зато весело. Рассказы продолжались чуть не до самого утра. Кто утверждал, что подожгли турецкие шпионы, зная, что в Делиград привезен динамит. А по другим и, кажется, более достоверным сведениям, пожар начался с барака Хлудова⁷⁰, который специально занимается питьем.

2 октября. Надоело мне слоняться в Делиграде. Жду все распоряжений. Кончу тем, что сам распоряжусь, по примеру других. Предложили мне поехать на ближайшую позицию, я принял с удовольствием; достали коней и отправились. День чудный, безоблачный, жаркий, как у нас в июне. Спускаемся в долину, в лесу расположены войска и передовая цепь. Солдатики у костров варят себе обед, всюду оживленный

69 Бобовиште — деревня в Сербии неподалеку от Делиграда.

70 Вероятно, Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885) — русский военный и предприниматель, был дружен с М. Г. Черняевым.

В. Д. Поленов. Долина Великого Шелиговца с батареей св. Ангела. 9 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 24,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии : альбом. 2021. С. 123. Местонахождение: ГТГ

говор, но подвод, кол и всякого нагромождения, как за Делиградом, тут уже нет; стоит рота в строю и обучается отражению кавалерийской атаки. Кое-где слышен русский говор. Русские офицеры подходят с расспросами, нет ли чего новенького. Турок уже не видать, хотя мы теперь очень близко от них. Поехали потом на батарею, но нас туда не пускают, требуют или отзыва, или письменное разрешение, а мы не запаслись ни тем, ни другим. Вернулись домой, но прозевали обед, пошли в кафану, там тоже остатки, пришлось удовольствоваться «паприкоша» — похлебка из капусты и перцу — любимое кушанье сербов, остаточками жареного поросенка под названьем «свинско печенье».

Вечером в одном из барачков, куда собрались пить чай, я познакомился с молоденьким ординарцем замечательной красоты. Происхож-

дения он болгарского, найден был в разрушенной деревне, привезен в штаб и произведен в ординарцы. Я редко видел что-нибудь более прелестного этой головки. Впоследствии я узнал, что ординарца этого разжаловали за какие-то провинности в сестры милосердия и отправили в Белград в госпиталь ходить за больными.

Между прочим, говорили, что Дохтуров от имени главнокомандующего наложил строжайший запрет в лагерное военное время на две вещи, во-первых, на женщин, а во-вторых, на карты. Действительно, в последнее время карточная игра дошла в штабе до крупных размеров, даже шулерства. Приказ главнокомандующего остался без исполнения.

3 октября. Сегодня совершенно неожиданно встретил Ржевудского⁷¹. Очень друг другу обрадовались, зовет с собой на позицию к Андрееву в село Вукань, на крайний правый фланг. Я очень доволен этим предложением, ибо, в конце концов, жить при штабе, когда приехал узнать, что такое есть война, скучновато. Пошел к начальнику штаба отпроситься на позицию, Дохтуров согласился и даже нашел, что это прекрасно и что даже это лучшее, что я могу сделать. Ну и прекрасно, постараемся сдела[ть] лучшее, что можем. Я приготовился. Надо было выехать в 12, но кола прибыла только в 3 часа. Кое-как поместились, не то лежа, не то сидя, и тронулись. Кола узкая, полужакрытая, лошади измученные, еле-еле потащили. Всюду по сторонам дороги солдаты, шалаши, костры, ружья в козлах, изредка укрепленьца и орудия. Переправившись через Мораву по понтонному мосту, очутились на правом фланге позиции. Думали доехать засветло до Вукани, но не успели. Пришлось остановиться в Шелиговаце⁷² и переночевать. Пошли на перевязочный пункт к доктору Щербаку⁷³ просить ночлег. Самый дружеский прием и незатейливый ужин. Тут опять между его

71 Здесь и далее В. Д. Поленов вычеркнул фамилию «Ржевудский» и вписал вместо нее «Дубровский», вероятно, в связи с непростым положением в обществе Ржевудского, вынужденного в эти годы подать в отставку. Людомир Александрович (Адам Адамович) Ржевуский (Ржевусский) (1848–1932) — генерал от кавалерии. Как солдат сербской армии принимал участие в сербско-турецкой войне 1876–1877 гг.

72 Вероятно, Велики-Шильеговац — пригородный поселок сербского города Крушевац.

73 Александр Викторович Щербак (1848–1894) — русский врач-хирург, принимал участие в сербско-турецкой войне в составе отряда Красного Креста.

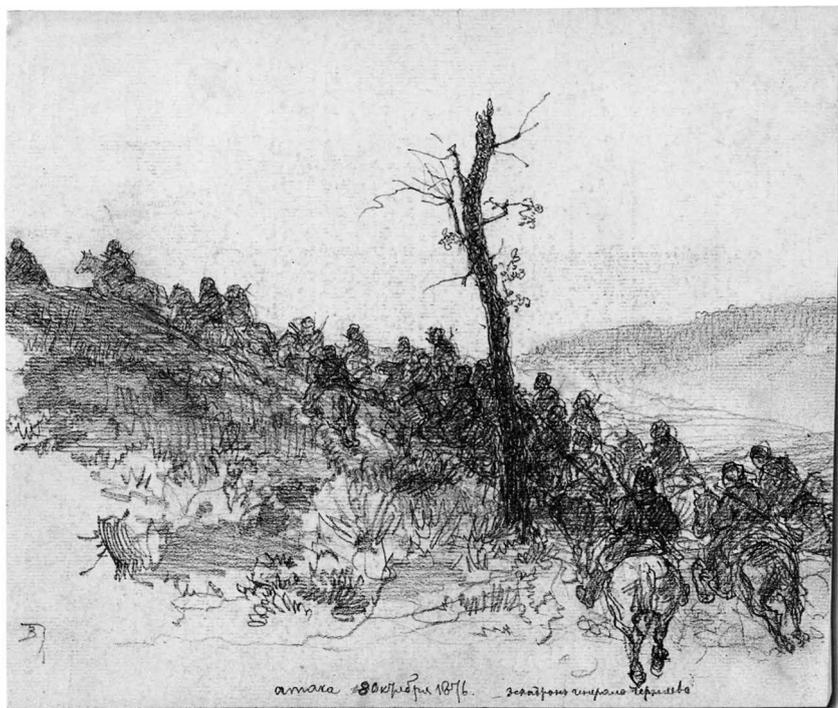
В. Д. Поленов. Сербские головы на частоколе в турецкой деревне. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 19,3 × 13,4. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 111. Местонахождение: ГТГ

помощниками и помощницами нашелся знакомый. Щербак между прочим рассказывал про Токарева и компанию. Возмущен их нечестным отношением к делу. Вообще Токаревы père et fils⁷⁴ не пользуются здесь хорошей репутацией. И действительно, они приехали сюда, чтобы выслужиться на помпадурский манер, ну и оказалось, что помпадурство тут неуместно. За то и клянут они Сербию, что это не государство, а какой-то хаос, что тут ничего нельзя сделать, что они не имеют понятия об администрации и т[ак] д[алее]. Между прочим, тут минер Шпоковский (который потом пропал без вести) рассказывал про динамитовые интриги, которые он подводит туркам.

4 октября. Рано поутру поднялись и отправились в путь. Чем дальше от Шелиговаца, тем все становится безлюднее, шалаши и солдатки попадают все реже и реже, а местность становится все красивее и красивее. «Если бы турки не были бы такие трусы, они давным-давно могли бы нас отрезать и перерезать, мы ведь совсем отдалены от армии». Ну, думаю, это не входило в программу моего путешествия, кабы не вошло бы, чего доброго. Наконец, после нескольких все увеличивающихся подъемов подъехали к оврагу, спустились в него, остановились перед небольшим домиком. «Вот мы и в Вукани, пойдёмте, я представлю Вас начальнику».

Вукань состоит из нескольких мазанок, разбросанных по тропинкам и окруженных фруктовыми садами. У одной из мазанок небольшая площадка, на ней стоит сербский трехцветный флаг. Эта мазанка есть квартира полковника Андреева, начальника летучего передового отряда, состоящего из эскадрона драгун (имени генерала Черняева), батареи из двух горных орудий, двух чет черногорцев и четы сербов, всего вместе людей до четырехсот. На склоне оврага стоят коновязи и солдатские шалаши. Под навесом устроен стол и лавки, сидят несколько офицеров. Ржевудский представил меня, с некоторыми из офицеров я и раньше был знаком. Ждут обеда и рассуждают об том, чем сегодня угостит их капитан (капитан штаба заведует кухней). Ржевудский был послан в Делиград с донесением об последней экспедиции, очень удачной, и привез некоторым офицерам медали, а Андрееву Таковск[ий] крест. Пошли расспросы об России, об положении дел и т[ак] д[алее]. Вообще я заметил, что на позициях очень мало знают, что происходит вокруг. Поэтому новому человеку на позиции очень рады, все-таки развлечение. Ан-

74 Отец и сыновья (фр.).

В. Д. Поленов. Атака. Эскадрон генерала Черныяева. 8 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 22. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 117. Местонахождение: ГТГ

древей и его сподвижники устроились в Вукани очень уютно и хозяйственно. Позиция превратилась в русское поместье. Избушка с двумя комнатами, первая — большая, курная, собственно комната офицеров, и вторая — маленькая, где помещался начальник с адъютантом. Обзавелись хозяйством, взяли у турок в плен несколько людей, гусей и баранов, которые оказывали много пользы. Здесь мирно, спокойно, ни хлопотни, ни суеты, ни интриг, как в Делиграде. Находится Вукань на юго-восточном склоне Ястребацкого хребта⁷⁵ и составляет крайнюю позицию правого фланга. Отсюда

⁷⁵ Ястребац — гора в центральной Сербии, состоящая из двух массивов — Великого и Малого Ястребаца.

Андреев спускается в долину Сербской Моравы, делает неприятности туркам в виде жжения деревень, отнятия обозов и взрывания мостов и исчезает в горы.

Подступающее обеденное время заставляет желудок все более и более возбуждаться, начинается ропот, что обед всегда опаздывает, что капитан занят совсем другим, что следовало бы ему сделать внушение и т[ак] д[алее]. Андреев успокаивает нетерпеливых подчиненных. Наконец появляется суп. Его встречают громкими возгласами. Молоденький поручик Герасимов⁷⁶, первый школьник в эскадроне, и флегматический, но остроумный майор Роп⁷⁷ начинают приставать к капитану: «Отчего Вы так долго не подавали суп, крупа разварилась так, что каша какая-то вышла. Вы, вероятно, этим делом никогда не занимались, а беретесь за него, ведь это ни на что не похоже».

Капитан начинает оправдываться:

— Извините, господа, в Вильне сам Николай Михайлович Муравьев⁷⁸, сын Михаила Николаевича⁷⁹, 9 сентября 67 года изволил похвалить меня за кухню. Вы может бы[ть] слышали когда-нибудь про эту знаменитую фамилию? — любезно обращается он ко мне.

— Нет, никогда не слышал, в первый раз от Вас слышу.

— Так-с — но в Вильне, где я служил, эта фамилия была очень известна.

— Господа, капитан своими интересными рассказами об похождении в Вильне хочет заговорить нас, чтобы мы забыли непривлекательность супа.

— Извините, господа, я рассказываю новоприезжему некоторые подробности, которые вам уже известны.

— Вы уже рассказывали об девятом сентября пятьдесят с половиною раз.

— Извините, господа, я никогда пятидесяти с половиною раз...

76 Здесь В. Д. Поленов вычеркнул фамилию «Герасимов» и вписал вместо нее «Карасев».

77 Здесь и далее В. Д. Поленов вычеркнул фамилию «Ропп» и вписал вместо нее «Кириллов». Возможно, Николай Васильевич фон дер Ропп (1848–1916) — барон, генерал от кавалерии.

78 Николай Михайлович Муравьев-Ковенский (1819–1867) — граф, политический деятель.

79 Михаил Николаевич Муравьев-Виленский (1796–1866) — граф, политический и военный деятель.

В. Д. Поленов. Присоединение к правому флангу. Турецкая батарея желает нам сделать неприятность. 8 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 24,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 119. Местонахождение: ГТГ

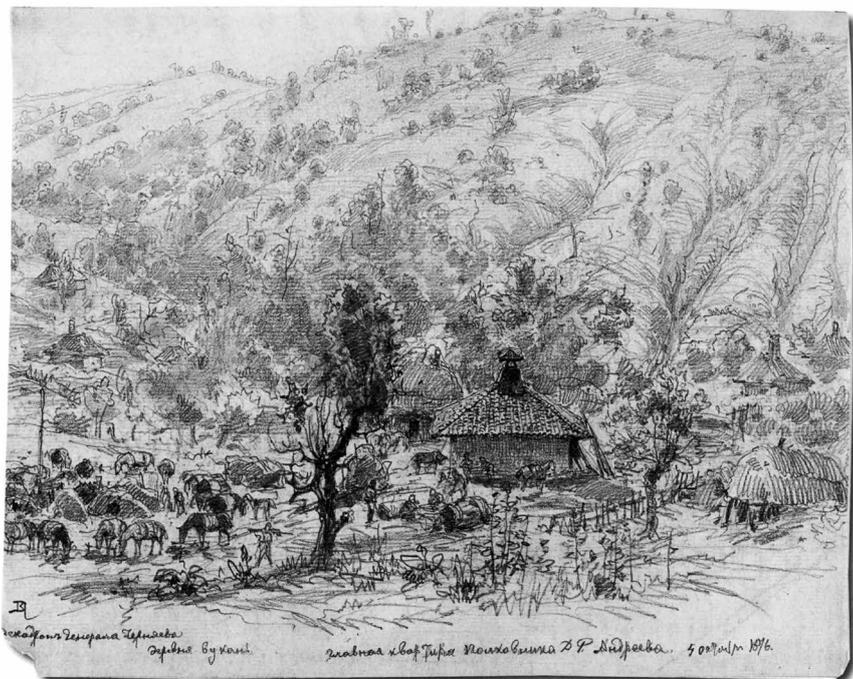
— Ну, полноте, господа, ссориться. Добрейший капитан, это они из зависти к Вам на Вас нападают. А я так нахожу, что обед не только [не] худой, а просто на славу изготовлен. Я думаю, такого обеда сам король србский никогда не едал.

— Какой король србский, я так думаю, что самого римского нунция при китайском дворе не кормят такими обедами.

Капитан начинает скромно улыбаться и стыдливо опускает глаза.

— Правда, суп недурен, но у Дюссо и у Бореля⁸⁰ раз как-то был лучше, этого опровергнуть никто не дерзнет.

⁸⁰ Имеются в виду элитные рестораны Дюссо и Бареля, существовавшие в Санкт-Петербурге в XIX — начале XX в.

В. Д. Поленов. Главная квартира полковника Д. Р. Андреева. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20 × 25,2. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 101. Местонахождение: ГТГ

Все присоединяются к этому мнению, говоря, что действительно не дерзают опровергать, начинают опять приставать к капитану и требуют отчета.

— Извините, господа, Дисо и Барель обладают более обширными средствами, чем я: лавровым листом и некоторыми кореньями, которыми они пользуются для приправы и кладут в бульон, но Николай Михайлович Муравьев...

— Знаем! Знаем, 9 сентября Вас похвалил!

— Да-с.

— Это ничего не доказывает, да и может быть в аллегорическом смысле, какую капитан сегодня аллегория подпустил, чудо... я никак не ожидал.

— Что такое, сообщите нам, ведь это не каждый день бывает!

— А вот что: мы стоим и толкуем с майором, вдруг подходит капитан, таинственный вид его меня сначала напугал, но капитан меня тотчас же успокоил и сообщил секрет, который мне в некотором роде талисман, и какой талисман, представьте себе, от всех болезней, а главным образом от одной, и так как известно, что военное сословие часто страдает этой болезнью, то в видах общественной пользы я Вам его сообщу.

— Сообщите, сообщите!

— Дело вот в чем: надо сказать в самый момент: чирибириби, чирибирибо, чирибирибу... и никогда никакая болезнь не пристанет.

Все находят талисман капитана гениальным, хотят его короновать после обеда венком и послать его портрет в «Иллюстрацию»⁸¹.

— Извините, господа, дело не так было. А с Вашей стор[он]ы, майор, очень нехорошо свои слова приписывать невинному человеку, я, господа, никогда не говорил «чирибириби», а сказал это слово сам майор Роп на кухне, при свидетелях, при капитане Арском и майоре Берге⁸², они могут сами Вам засвидетельствовать.

— Действительно, господа, я с Арским были на кухне и сами слышали, как капитан сообщил свой секрет майору.

— От Вас, майор Берг, я этого, признаюсь, не ожидал. Я думал, что русский офицер никогда не лжесвидетельствует, оно не только неприлично, но и грешно.

Составляется военный совет, пускают вопрос на голоса: мог ли капитан сказать «чирибириби» или не мог. Все единогласно приходят к заключению, что капитан мог сказать «чирибириби», потому что глупый человек, как я, например, сказал бы что-нибудь вроде «кукукуку» или «кикикики», а капитан, как человек далеко не глупый, сказал «чирибириби», слово и умное и, по всей вероятности, весьма полезное. Капитан, совершенно обиженный, встает и уходит, за ним бегут, просят прощенья, уверяют, что больше не будут на него клеветать, что хотели только испытать твердость его характера и убеждений, наконец, с триумфом приводят назад, и история начинается снова...

После обеда Андреев предложил мне ехать с поручиком Ведринским в разъезд на аванпосты. Надо было передать медаль одному офицеру, находящемуся там, и посмотреть на неприятельское расположе-

⁸¹ Скорее всего, имеется в виду журнал «Русская иллюстрация» — он же журнал «Пчела», в котором публиковались военные рисунки и заметки В. Д. Поленова.

⁸² Александр Александрович Берг — русский майор кавалерии, участник сербско-турецкой войны.

ние. Чудесные картины, дорога вела сначала по берегу горного потока, потом вошла в старый буковый лес оригинального колорита, толстые стволы деревьев были пепельно-седого цвета, а земля была устлана темно-красным обвалившимся листом. Перевалив через гору и проехав сербскую границу, которая идет по самой вершине Ястребаца и отделяет Сербию от Турции низеньким каменным забором, перед нами открылся обширный вид долины Сербской Моравы, по ней рассыпаны беленькие полуразрушенные деревни, одна дымилась, она была подожжена накануне нашим эскадроном, и вдали у подошвы двуглавой горы Ртон⁸³ белой точкой виднелся Ниш. Исполнив поручение, мы миновали передовые пикеты и спустились в долину. Турок нигде не было, но следы их остались. Проезжая по разрушенной деревне, мы увидели несколько сербских голов на кольях, между ними была одна женская. Когда мы взобрались опять на гору, было уже темно, пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Сделав заворот, мы увидели весь турецкий лагерь как на ладони, он ярко пылал кострами, в середине находился правильный освещенный четырехугольник, вероятно, главная квартира, доносились звуки военной музыки.

Дневники В. Д. Поленова. ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 1–3. Рукопись. Черновик.

Источники и литература

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ).

Поленов В. Д. Дневник русского добровольца. От Киева до Делиграда // Пчела. 1877. № 9. С. 135–138; № 10. С. 152–153.

Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов и Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников / ред. А. И. Леонов. М.: Искусство, 1964. 839 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1978. 496 с.

References

Sakharova, E. V. *Vasilii Dmitrievich Polenov i Elena Dmitrievna Polenova. Khronika sem'i khudozhnikov*, ed. by A. I. Leonov, Moscow: Iskusstvo, 1964, 839 p.

83 Ртань — гора в Сербии в 50 км севернее города Ниш.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

А. А. Фомина

Vasily Dmitrievich Polenov at the Serbian-Turkish War of 1876

Alexandra A. Fomina

Research fellow

State Tretyakov Gallery

119017, Lavrushinsky Lane, 10, Moscow, Russian Federation

E-mail: sashafomina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8545-2150

Citation

Fomina A. A. Vasily Dmitrievich Polenov at the Serbian-Turkish War of 1876 // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 304–352 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

Received: 16.11.2021

Abstract

The war diaries of the Russian artist Vasily Dmitrievich Polenov, fully published for the first time, is a unique source of historical, ethnographic and cultural knowledge about the Serbian-Turkish conflict, in which Polenov took part in the fall of 1876. The study of the manuscripts makes it possible through the eyes of a painter to see different sides of Serbia's confrontation with the conquerors, the mood among participants of the war, national features of the life of the Serbs. The diaries kept in the Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery are accompanied by rich pictorial material, parts of which are kept in the Tretyakov Gallery, the Polenovo Museum-Reserve and the Russian Museum.

Keywords

V. D. Polenov, Serbia, Belgrad, Serbian-Turkish war, diaries.